

О. В. ЗАИЧЕНКО

**“BIEDERMEIER” И “VORMÄRZ”:
РОССИЯ КАК КОНСТИТУИРУЮЩИЙ
«ДРУГОЙ» В ПЕРИОД РЕСТАВРАЦИИ
НА ОСНОВЕ ПУТЕВЫХ ДНЕВНИКОВ
НЕМЕЦКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ**

Автор рассматривает этапы формирования образа России в германских землях в период Реставрации (1815–1848) в контексте общественно-политических дискуссий между представителями консервативного и либерального течений. В основу исследования положен анализ большого массива сочинений немецких авторов о России первой половины XIX в. из коллекции «Россика» Российской национальной библиотеки, в основном написанных в жанре путевых дневников.

Ключевые слова: образ России, Германия, общественно-политическая борьба, либеральная русофобия, консервативная русофилия.

С середины прошлого века в англоязычной историографии используется взятое из социальной психологии положение о том, что для консолидации и самоидентификации любой общественной группы необходим «образ другого» как внешней антитезы, часто трансформировавшейся в образ врага. Для Германии в качестве такого конституирующего «другого» в процессе формирования собственного образа с конца XVIII в. важную роль играли Франция и Россия как геополитические соперники, наиболее активно влиявшие на положение в германских землях. После завершения наполеоновских войн, а затем окончательного утверждения в Европе принципов политики Реставрации, созданный в немецкой литературе образ России постепенно начал трансформироваться в идеологему, все чаще выступая в качестве абстрактного символа, аргумента в общественно-политических дискуссиях того времени. Став в 30-е гг. XIX в. частью противоборствующих мировоззрений и основой для создания различных утопий и антиутопий, миф о России в рассматриваемый период приобрел исключительную значимость для процесса формирования национальной и политической идентичности у немцев.

Создание Священного Союза было воспринято большинством населения Германии как начало новой исторической эпохи, призванной поднять политическую и духовную жизнь Европы на высшую ступень. Однако после Венского конгресса начался период Реставрации (1815–1848), отмеченный наступлением реакции по всей Европе и дальнейшим распространением принципов политического обскурантизма. В результате были надолго похоронены мечты немецких патриотов и либеральных реформаторов о национальном единстве и конституционном правлении. Но при этом, времена опустошительных войн и «великого страха» перед анархией и революционным хаосом, длившиеся с 1792 г. и принесшие столько бедствий Германии, казалось, закончились. С одной стороны немцы получили долгожданный мир и внешнеполитическую стабильность, с другой — подавление любых проявлений оппозиционного мышления внутри германских государств. Двойственность политической ситуации не могла не сказаться на интеллектуальной жизни немецкого общества. Особенностью ее развития в период Реставрации была резкая поляризация идеологий и политических мнений при почти полном взаимном отчуждении либеральной и консервативной мысли. Литераторы или сознательно обратились к политической агитации с либерально-демократических позиций и к критике новой реальности, или также осознанно отвернулись от нее, уйдя «от истории» в частную жизнь и воспоминания о «лучшем прошлом», стремясь таким образом преодолеть болезненный разрыв между пугающей реальностью и романтическим идеалом. Проповедуя «покой как первую гражданскую добродетель», «защиту традиционных ценностей и обычаев», эти авторы искали идиллию в повседневной жизни. Однако идилличность литературы “Biedermeier” была обманчива: она служила антитезой реальности и своего рода защитой от хаотических и «демонических» сил расколовшегося внешнего мира, всегда угрожающих счастливому покою тихого консерватора. С этой точки зрения произведения стиля “Biedermeier” являются не менее политически ангажированными, чем сочинения авторов литературного направления “Vormärz”, открыто заявлявших о своих политических пристрастиях.

В литературоведении нет четкого определения понятий “Biedermeier” и “Vormärz”. С одной стороны, эти термины используются для определения литературной эпохи между 1815 и 1848 гг. С другой сто-

роны, среди художественных течений периода Реставрации многими авторами принято выделять консервативный стиль “Biedermeier” и либерально-демократическое течение “Vormärz”, к которому часто причисляют либеральное направление «Молодая Германия» и радикально настроенных младогегельянцев. На наш взгляд, эта классификация весьма условна и не имеет четко определенных границ. Но в данном конкретном случае для удобства представляется оправданным использование терминов “Biedermeier” и “Vormärz” для обозначения противоположных литературных и мировоззренческих установок эпохи Реставрации. В этой связи в статье делается попытка рассмотреть указанные художественные течения как различные проявления интеллектуальной реакции на изменение общественно-политических условий, как противоположные стили мышления, рассматривавшие человека, общество и государство под определенным углом зрения.

В основу исследования был положен анализ более тысячи сочинений немецких авторов о России первой половины XIX в. из коллекции «Россика» Российской национальной библиотеки, осуществленный в рамках проектов РФФИ и РГНФ¹. Прежде всего, это политические, экономические и исторические публикации, исследования энциклопедического и специально-научного характера, а также мемуары, путевые заметки очевидцев, посетивших Россию, художественные сочинения, публицистика, памфлеты, листовки. Одним из самых популярных видов сочинений в период Реставрации являлся жанр путевых дневников (примерно треть всех публикаций о России первой половины XIX в.). Он был одинаково характерен как для консервативной литературы “Biedermeier”, так и для либерально-демократического течения “Vormärz”. Анализ большого массива подобных сочинений из коллекции «Россика», с учетом специфики жанра путевых заметок как исторического источника, позволяет взглянуть на немецких авторов, формировавших образ России как на представителей различных стилей мышления: в данном случае консервативного и либерального. С помощью такого подхода к проблеме мы попытаемся проанализировать их часто про-

¹ Проект РФФИ 05-06-80036 «Россия в немецкоязычных источниках XIX века: база данных» 2005–2007 гг. / руководитель проекта — О. В. Заиченко; проект РГНФ 06-01-02117а «Россия и Запад. Взаимные образы и представления: опыт истории XVIII–XX вв. / руководитель проекта — В. В. Рогинский.

тивоположное восприятие одних и тех же явлений российской жизни как отражение различных мировоззренческих установок соответствующих социальных групп, а также проследить, как меняется отношение к России в консервативной и либеральной среде по мере изменения положения этих групп в немецком обществе.

Вся литература о России этого периода, путевые дневники в том числе, характеризуется большой полярностью мнений и оценок. Как правило, это очень эмоциональное, положительное или резко отрицательное отношение к стране. При этом попытки осмыслить увиденное в России более основательно, с учетом внутренних противоречий и особенностей ее исторического развития, крайне редки. Несмотря на то, что объем информации, содержащейся в подобных публикациях, довольно велик, при этом бросается в глаза отсутствие взаимосвязи между уровнем знаний, количеством фактов о жизни в России и качеством выводов, которые формировали представление о стране у немецких читателей. Часто детальное знание русской действительности соседствует с субъективными оценками, обобщенным подходом, попытками обосновать уже существующие стереотипы. Путевые заметки, написанные, как правило, в виде писем другу, дневников или мемуаров, оказали наибольшее влияние на формирование образа России. Они соединяли в себе непосредственные наблюдения самого автора и целенаправленную работу по формированию общественного мнения, так как последовательное детальное описание, привязанное к конкретному месту и времени, соединенное с абстрактными обобщающими выводами, оказывало сильное влияние на читателя. Тем более что авторы в своих сочинениях, как правило, претендовали на создание панорамной картины, охватывающей все стороны русской жизни. Представление о многогранности интересов немецких путешественников может дать краткое изложение содержания довольно типичного для того времени путевого дневника, озаглавленного «Внутренняя жизнь России», сделанное его автором, Эдуардом Кольбе, в предисловии к первому изданию этого анонимно опубликованного сочинения: «Я хотел бы дать полное представление о жизни в России, то есть показать, как в России живут, думают, действуют. Дорогой читатель, мы увидим частную жизнь семей и станем свидетелями общественной жизни в столице и провинциях, посетим школы, церкви и суды. Мы увидим рабов и

бедняков, а также свободных и богатых членов общества, аристократию. Мы не забудем о полицейском и милитаристском государстве, проникнем в тюрьмы и камеры заключенных»².

С точки зрения географии, в первые десятилетия XIX в. образ России формировался на основе подробного описания Сибири, центральных районов империи и остзейских провинций. В тридцатые годы довольно много немецких авторов посетили Украину и Черноморское побережье, поэтому особенности этих областей — степной ландшафт и южная приморская культура — также заняли важное место в создании общего образа России. К началу 40-х гг. третьей популярной темой становится Кавказ, романтизированный быт свобододолюбивых горцев и Кавказская война. И, наконец, особую и довольно многочисленную группу в ряду путевых дневников составляют произведения, посвященные исключительно описанию Санкт-Петербурга. Часто подобные сочинения были написаны в стиле путеводителей для иностранцев, содержащих наряду с практическими советами относительно особенностей жизни в Петербурге общие размышления о России и русских, основанные на наблюдениях авторов, сделанных в столице³.

Для путешествия по такой огромной стране, как Российская империя, требовались значительные денежные средства. Финансовая независимость авторов путевых дневников предполагала их привилегированное социальное положение. Во многих случаях российское правительство оказывало им практическую, в том числе и финансовую поддержку (как, например, в случае с бароном Августом фон Гакстгаузеном), поэтому этот тип литературы наиболее широко представлен среди сочинений консервативного направления. И хотя следует признать, что русское правительство оказывало содействие в публикации подобных произведений, имперская государственная пропаганда ни в коем случае не преобладала над германской приверженностью к России консервативных кругов и не заменяла ее.

подавляющая часть сочинений публиковалась анонимно, поэтому во многих случаях их авторы не могут быть установлены. Однако на основании косвенных данных с уверенностью можно утвер-

² Kolbe E. 1847. S. 6.

³ См., напр.: Possart P. 1842; (Anon.) Tagebuch eines preussischen Offiziers... 1836; (Anon.) Die Preussen als Gäste... 1835.

ждать, что большинство авторов путевых дневников — подданные государств Германского союза. По своему социальному составу немецкие авторы были дворянами, учеными, чиновниками, офицерами. Интересно, что наиболее яркие, подробные и очень консервативные по духу описания России принадлежат актерам. Здесь можно назвать Эдуарда Йеррманна⁴, Вильгельма Мюллера⁵, Луиса Шнейдера⁶, Фридриха Титца⁷. С одной стороны, это объяснялось большой мобильностью актеров и возможностью играть во многих русских городах, с другой — тесными связями с придворным обществом и зависимостью от него. Если большинство актеров владело русским языком, то среди дворян и офицеров — авторов путевых заметок, практически никто такими знаниями не обладал. Поэтому непосредственный круг общения большинства немецких авторов, находившихся в России, был ограничен придворным обществом, высшим чиновничеством и живущими в России иностранцами.

Формирование образа России в немецкой литературе периода Реставрации можно условно разделить на несколько этапов. Начало первого этапа (1815–1830 гг.) совпало с подъемом национального и конституционного движений, охвативших Германию на волне победы в освободительной войне с Наполеоном. Нарождавшееся в этих условиях гражданское общество стремилось к национальному объединению, что нашло свое выражение во множестве гуманитарных инициатив, которым старались придать общегерманский характер. Так, например, благодаря деятельности Немецких обществ, организованных по предложению Эрнста Морица Арндта, годовщина Битвы народов под Лейпцигом в октябре 1814 г. впервые была отмечена как национальный праздник. Основанное в 1811 г. патриотическое Гимнастическое движение получило столь значительный отклик, что из Берлина распространилось более чем на сто городов Германского союза. В студенческой среде среди бывших приверженцев реформ в духе французского Просвещения эти настроения сменились национально-демократическим движением за обновление отечества. В результате на смену землячествам пришли *буриенишафты* — студен-

⁴ *Jerrmann*. 1845.

⁵ *Müller*. 1844.

⁶ *Schneider*. 1830.

⁷ *Tietz*. 1836.

ческие корпорации, которые должны были объединять в своих рядах всех немецких студентов одного университета.

Организованный студентами-лютеранами 18 октября 1817 г. в Тюрингии Вартбургский праздник уже проходил под знаком национального протеста против раздробленности Германии и реставрации абсолютизма. Он вызвал мощный отклик и послужил сигналом к началу национально-демократического оппозиционного движения. Принятые в Вартбурге «Основные принципы и решения 18 октября» представляли собой политическую программу, в которой радикально-демократические принципы сочетались с высокой степенью готовности студентов перейти к активным действиям, вплоть до индивидуального террора. В 1818 г. в Йене был создан Всегерманский студенческий союз, первая организация, которая выступила с позиций национального объединения немецких студентов на демократической основе. Активность этих быстро радикализирующихся движений отражала высокую степень политической напряженности, которая царила тогда в немецком обществе. Не только в правительствах, но и в широких общественных кругах возникло беспокойство по поводу дальнейшего распространения революционных настроений. Страх перед надвигающимся политическим кризисом и связанное с ним стремление к стабильности уставшей от потрясений большей части общества стало причиной его пассивной реакции на начало Реставрации.

Рост политического нигилизма в Германии происходил на фоне экономического кризиса. Неурожаи и голод 1816–17 гг., кризис торговли, вызванный отменой континентальной блокады, способствовали массовому разорению населения и нарастанию негативных настроений в различных слоях общества. В обстановке поиска «виноватых» начали оживать старые антирусские стереотипы. Побежденная Франция больше не представляла угрозы. Недовольство разочарованного, обманутого в своих надеждах населения частично по традиции было обращено против немецких евреев, частично против местных правящих династий, а также против России, поддерживавшей установленный в Германском союзе порядок. Ей не могли простить ни военного превосходства, ни вмешательства в германские дела. Как с прискорбием свидетельствовал в своих отчетах русскому правительству известный драматург и с 1817 г. литературный корреспондент Министерства по делам образования и религии Август фон Коцебу, с

1815 г. немцы «утратили чувство благодарности к своим освободителям от французского рабства, обвиняя Россию во всех грехах»⁸.

Уже в 1817–1818 гг. в германской прессе развернулась острая дискуссия о внешнеполитических целях России и опасности усиления ее влияния в Европе. Ожидания, вызванные публикацией Акта Священного союза, не оправдались. Изменение позиции русского императора на Ахенском совещании осенью 1818 г. стало причиной глубокого разочарования общественного мнения Германии в политике России⁹. Волна возмущения, связанная с публикацией записки А. С. Стурдзы «О современном положении Германии», и неоднозначная общественная реакция на жестокое убийство 23 марта 1818 г. Августа Коцебу, объявленного «русским шпионом», дали повод говорить о начале «морального бунта» в Германии.

Консервативную часть немецкого общества охватили растерянность, пессимизм и страх перед новой европейской революцией. Современные события воспринимались авторами течения “Biedermeier” как «самоубийственный мятеж против великого авторитета», как низшая точка нравственного падения человечества¹⁰. Мистическое восприятие России и ее императора стало составной частью эсхатологических настроений, возобновившихся под влиянием пиетизма в консервативной среде романтиков направления “Biedermeier”. Последняя битва добра со злом и последующий за ней Апокалипсис, по мнению Карла фон Эккартсгаузена, Иоганна Генриха Юнг-Штиллинга и других прославленных мистиков той эпохи, должны были наступить уже в первые десятилетия XIX в.¹¹ Сопоставляя текущие события с библейскими пророчествами, их последователи увидели в происходящем признаки приближающегося конца света. Охваченные эсхатологическими ожиданиями, они воспринимали Наполеона как антихриста, а Александра I — как своего единомышленника и спасителя Европы, «Ангела Апокалипсиса»¹². «Миссия Александра, — наставляла баронесса Юлия фон Крюденер своих последователей, — воссоздать то, что Наполеон разрушил. Александр —

⁸ Literarisches Wochenblatt... 1819. S. 9.

⁹ См.: Eich. 1986. S. 285-287.

¹⁰ Dittenberger. 1815. S. 21.

¹¹ Юнг-Штилинг. 1815. С. XIII-XV. См. также: Зорин. 2004. С. 306-310.

¹² Ley. 1975. P. 190.

белый ангел Европы и мира, в то время как Наполеон был черным ангелом. Разрушительной и разъединяющей силе Наполеона противостоит созидательная и объединяющая сила Александра»¹³.

Известный баварский мистик и религиозный философ Франц фон Баадер, видевший спасение Европы в создании универсальной христианской религии, в своих сочинениях также ссылался на старинные предсказания алхимических трактатов, где речь шла о «государе одной из северных монархий, который соберет вокруг себя людей, наиболее выделяющихся своим благочестием». Утверждалось, что этот избранный монарх будет русским императором, который впоследствии станет главой всемирной церкви¹⁴. Мистически настроенные немецкие романтики ждали от России импульса к спасению и духовному исцелению Европы и, прежде всего, охваченной новым «революционным безумием» Германии.

Воспользовавшись паникой, овладевшей многими немецкими правителями и пассивной позицией России, Меттерних уже в августе 1819 г. созвал в Карлсбаде конференцию представителей отдельных германских государств, где было решено подавлять полицейскими мерами любые проявления либерального и демократического движений. В частности, вводился особый закон о прессе, согласно которому земельным властям предписывалось подвергать цензуре периодику, а также все печатные издания объемом, превышающим 20 страниц. Кроме того, все постановления о цензуре содержали в себе отдельной статьёй «Положение о защите от критики в адрес дружественных государств и монархий», как, например, «Положение», изложенное в статье № 2 «Постановления о прусской цензуре» от 8 октября 1819 года. Последовательное и регулярное применение этого «Положения» в Пруссии привело к тому, что там до 1848 г. не было напечатано ни одного антирусского сочинения. Зато в Саксонии, Тюрингии и южно-германских землях цензура была намного мягче. С 1830-х гг. наметилась тенденция к ослаблению цензурного режима, в частности, в Саксонии в 1844 г. была отменена предварительная цензура для изданий, объем которых превышал 20 страниц. В результате сочинения, запрещенные в Пруссии, печатались в других немецких государствах, а также за пределами Германии.

¹³ Цит. по: *Пытин*. 1916. С. 357. См. также : *Ley*. 1975; *Ley*. 1994.

¹⁴ *Bühler*. 1929. S. 52.

В итоге в условиях полицейского режима в период с 1819 по 1830 гг. в Германии, за редким исключением, публиковались только положительные отзывы о России. В коллекции «Россика» насчитывается 400 литературных произведений, изданных в эти годы и посвященных России, из них 102 публикации — путевые дневники. Прежде всего, это мемуары немецких офицеров, участвовавших в русском походе Наполеона¹⁵, посвященные теме «единения русского и немецкого оружия» и прославлению Александра I как освободителя народов и «либератора добрых немцев», а также многочисленные описания Петербурга¹⁶, жизни двора и членов императорской семьи. Среди них выделяются своей неоднозначностью оценок записки известной писательницы Фанни Тарнов «Письма, написанные по дороге в Петербург» (“Briefe auf einer Reise nach Petersburg”, Berlin, 1819), которые многократно цитировались другими авторами и не менее часто подвергались критике за необъективность и предвзятость, например, Августом Коцебу на страницах “Literarisches Wochenblatt”¹⁷. Кроме того, важное место занимают эпические и драматические произведения, сочинения по русской истории, новеллы и философские романы.

Стремясь обрести спасительное убежище от надвигающегося хаоса, авторы течения “Biedermeier” вновь возрождают миф о России как о новом Эдеме, идеальном государстве утраченного прошлого: идет постоянное противопоставление «там» (Россия) и «здесь» (Германия): «Там все покой, безопасность и защитное пристанище для всего, что любишь, что сердцу свято». «Здесь» — «рука Сатаны» нависла над Европой, идет битва «проповедников святости» со «слугами дьявола»¹⁸. Именно в это время получает распространение ставшее впоследствии классическим для консервативной литературы противопоставление: на одном полюсе — Запад, охваченный революционным потоком, на другом — Россия как спасительный ковчег, управляемый рукой могучего кормщика — императора. В этой среде большие надежды на стабилизацию положения в Германии были связаны с деятельностью Священного союза под руководством Александра I. Как писал Юнг-Штилинг, выражая общие настроения:

¹⁵ Müller. 1815; Bomsdorff. 1818 und s.w.

¹⁶ Schlippenbach. 1818; Reichard. 1816; Schlegel. 1818.

¹⁷ См.: Benz. 1957. N. 2.

¹⁸ Meissner. 1820. S. 134ff.

новый союз христианских монархий под предводительством России, «осененный ореолом святости», спасет христианский мир от хаоса и знаменует собой начало Тысячелетнего рейха¹⁹.

В итоге на начальном этапе периода Реставрации в литературе “*Biedermeier*” создается идиллический образ России как большой патриархальной семьи, во главе которой стоит мудрый просвещенный монарх, который как строгий отец заботится о благе своих подданных. Главным принципом восприятия России была индивидуализация образа народа и государства через личность монарха и членов его семьи, выдающиеся личные качества которых давали им право на неограниченную власть, предопределенную Богом, а также идеал средневекового «патримониального государства». Этот образ полностью соответствовал консервативному восприятию идеального гармоничного общества, лишённого социальных потрясений, как антитезы современных последствий Просвещения и Французской революции.

После относительного политического затишья 1820-х гг. последующее десятилетие стало новым периодом повышенной активности во всей Центральной Европе, что ускорило процессы самоидентификации и дальнейшего формирования общественного мнения в Германии в национальном масштабе. Известие о свержении во Франции Карла X в июле 1830 г. нашло живой отклик в германских землях, обнаружив огромный потенциал оппозиционных настроений, который накопился в немецком обществе за предыдущие, казалось, самые аполитичные годы. Протестное движение 1830–1833 гг. охватило почти все государства Центральной и Южной Германии. Одним из первых опытов согласованного выражения общегерманских настроений стала политическая реакция на подавление национального восстания в Варшаве в конце ноября 1830 г.

Второй этап — 1830–1840 гг. — стал поворотным для формирования образа России в немецком общественном мнении. После политических волнений 1830 г. и разгрома русским правительством польского восстания 1830–1831 гг. либеральная русофобия прочно вошла в общественное сознание. Жестокие методы подавления выступлений патриотически настроенных поляков, репрессии против католиков и Униатской церкви были восприняты не только в Германии, но и во всей Европе, как наглядное доказательство «устрашающей деци-

¹⁹ *Ley. Op. cit. P. 191.*

визированности режима Николая I»²⁰. Несмотря на действие цензуры, из 355 сочинений из коллекции «Россика», изданных в этот период, 130 публикаций содержали резко негативные оценки Российской империи. В это время меняется жанровый состав сочинений, посвященных России. Официальная хроника, художественная, историческая и научная литература, а также, так называемые «казуалии», посвященные антинаполеоновским войнам и другим героическим сюжетам, постепенно вытесняются аналитическими сочинениями, памфлетами и политической публицистикой, количество которой неуклонно растет. Путевые записки немецких путешественников также приобретают ярко выраженный полемический характер²¹. Практически все они были написаны под воздействием уже существующих произведений о России и содержали положительные или отрицательные отклики на них. Так, например, «Россия в 1839 году» маркиза Астольфа де Кюстина²² или «Европейская пентархия» К.-Э. Гольдмана²³ вызвали целую волну споров и возражений в немецком обществе.

В эти годы наряду с формированием либеральной идеологии в литературе «Vormärz» был закреплен канонический образ России как военно-династической империи, живым воплощением которой являлся монарх-самодержец с неограниченной светской, религиозной и военной властью. Как и в предыдущий период, фигура императора оставалась ключевой для восприятия страны. При сильно персонифицированном подходе к политике и истории, Николай I, сменивший на троне своего брата Александра, как нельзя лучше воплощал образ некоего всемогущего демиурга, когда «усмешка или нахмуренный лоб русского царя определяли устои не только германских государств, но и всей Европы»²⁴. Для либералов он был «жандармом Европы», ответственным за раздробленность Германии, для консерваторов — «носителем божественной миссии» в борьбе с европейской революцией и «первым защитником легитимности».

Большинство немецких путешественников, посетивших Петербург в 1830–40-е гг., оставили подробное описание внешности и индивидуальных особенностей речи и поведения императора, тем более

²⁰ См.: Троицкий. 1990. С. 21 и сл.

²¹ *Budberg*. 1832; *Robert*. 1840; *Behr*. 1834.

²² *Custine*. 1847.

²³ Die europäische Pentarchie...

²⁴ Russische Zustände... S. 44.

что многие из них были приняты при дворе и имели возможность лично общаться с ним. Однако их свидетельства настолько противоречивы, что возникает впечатление, будто речь идет о разных людях, не имеющих между собой ничего общего. Создавая образ императора, авторы, близкие к течению “Vormärz”, искали в его внешнем облике, прежде всего, подтверждения исходного тезиса о том, что русский царь — это персонифицированное воплощение «абсолютизма и реакции». Для них очень характерно, например, такое описание внешности Николая I, оставленное анонимным автором: «Сильно развитая нижняя часть лица, длинная тонкая верхняя губа и довольно обрюзгшие щеки и подбородок свидетельствовали о преобладании материальных инстинктов над духовностью...»²⁵. Характеристика отдельных черт царя, например, манеры говорить, часто сводилась к тому, чтобы представить его живым воплощением деспотической власти: «Речь характеризует человека. Эта вульгарная и жестокая, обыденная и грубая речь, эти угрозы, этот тон завравшегося хвастуна, это грубое, примитивное красноречие, которое за ложными клятвами скрывает безразличие и равнодушие: все это портрет царя Николая — типичнейшего деспота с головы до ног»²⁶.

Консервативные авторы пытались противопоставить этому негативному восприятию русского царя идеализированный образ гуманного и просвещенного монарха, столь же абстрактный и имеющий мало общего с конкретным человеком. Показательно для этой группы сочинение вюртембергского генерала кавалерии, военного писателя и дипломата Фридриха Вильгельма фон Бисмарка (1783–1860), явно написанное под впечатлением июльских революционных событий 1830 г. Будучи послом Вюртемберга при Берлинском дворе, Бисмарк получил приглашение от Николая I посетить Россию в качестве консультанта для реорганизации русской кавалерии. Результатом этого путешествия стала вышедшая в 1836 г. книга, посвященная частично описанию Петербурга, частично специальному военно-техническому исследованию, а также историко-философской апологетике русской империи. Много лично общаясь с императором, Бисмарк, в свою очередь, оставил следующий идеализированный портрет Николая I: «Его черты лица правильны, профиль очень благороден, лоб высокий с залысинами, взгляд горд и импозантен, при этом чрезвычайно благо-

²⁵ Geheimnisse von Russland... S. 83.

²⁶ Ibid. Bd. 1. S. 106.

склонен, когда он смеется»²⁷. Бисмарку вторит не менее восторженный отзыв о манере общения Николая I, анонимно оставленный другим немецким офицером, посетившим Петербург в 1835 г.: «Лучше, легче и яснее говорить, чем император, невозможно. Он очаровывает каждого, кто его слушает»²⁸. Чрезвычайно негативный или наоборот, восторженно-позитивный, образ русского монарха задавал тон для оценки всей империи. В отличие от консервативного течения “Biedermeier”, где утвердился образ России как «нового Эдема», в путевых дневниках авторов, близких к либеральному направлению “Vormärz”, российская империя представляла чаще всего как «оплот европейской реакции» и захватчик чужих территорий.

К началу 1830-х гг. в либеральной литературе постепенно складывается довольно целостный образ российской империи, быстро ставший частью оппозиционной идеологии. Ключевыми моментами восприятия России были протяженность территорий и огромный военный потенциал. При этом для описания страны использовались клише, вызывавшие у читателя цепь определенных ассоциаций, которые уже заранее подразумевались автором. В сознании большинства немцев Россия была страной огромных диких территорий, для характеристики которых чаще всего применялись стереотипные понятия «степь» и «Сибирь». «Уже одно слово “Сибирь”, — писал анонимный немецкий путешественник, — вызывает мысли о пустыне, одиночестве, чудовищном холоде, лишениях и нищете»²⁹. «Степь, — по мнению другого автора, — означает однообразие, монотонность, дикость и скуку»³⁰. Понятие «Сибирь» ассоциировалось также с изгнанием и наказанием. С ним было тесно связано понятие «кнут», означавшее способ наказания и систему господства, в основе которой насильственное подавление. «Кнут» был одним из составляющих компонентов понятия «деспотизм»: «Кнут ... является инструментом наказания и тирании, наглядным признаком господствующего положения для русских. Ничего другого они не знают»³¹. «Деспотизм», в свою очередь, был неразрывно связан с «азиатским варварством» и образом Востока. Азиатская, варварская природа

²⁷ *Bismark*. 1836. S. 149.

²⁸ *Die Preussen als Gäste...* S. 42.

²⁹ *Russland und Gegenwart...* S. 91.

³⁰ *Geheimnisse von Russland*. Bd. 2. S. 184.

³¹ *Ibid.* Bd. 1. S. 91.

предопределяла неспособность России к эволюционному развитию, что, в свою очередь, выводило ее за рамки европейской истории.

Другое понятие — «степь» было неразрывно связано с клише «казачий», которым обозначался образ жизни, характеризовавшийся постоянной военной службой, кочевым способом существования, а также жадной войны и добычи. Причем казаки часто отождествлялись с «азиатскими» национальными меньшинствами внутри России — татарами и калмыками, что должно было подчеркнуть азиатскую природу русских в целом.

Важное место в восприятии российской империи занимал также образ Санкт-Петербурга, который был воплощением абсолютизма, имперского духа, чиновничьего произвола и поверхностной европеизации страны. Контраст между стереотипами «степь», «Сибирь» и «Санкт-Петербург», должен был подчеркнуть колоссальную пропасть между «европейской витриной» столицы и «азиатской» сущностью остальной России.

Тема внешней угрозы долгое время оставалась ключевой для восприятия российской империи в Европе. Успешные войны, которые вела Россия в XVIII – первой половине XIX в., не могли не сказаться на представлениях о ней. Практически все немецкие либералы писали о преимуществах захватнических планов России со времен Петра Великого, имевших целью установление господства над Европой и Азией, что доказывалось всей историей успешных завоеваний русских. Для осуществления этой политики у русского правительства имелись два инструмента: во-первых, это огромная, готовая в любую минуту к войне армия, ставшая надежным инструментом в руках императора, на совершенствование которой были направлены все силы государства. При этом делались ссылки на якобы «кочевой» характер русского народа, выраженный в стереотипе «азиатские, степные кочевники», который придавал этой армии опасную динамику и таил в себе угрозу для соседних цивилизованных народов:

«Это — народ, который возник и вырос в варварстве, с юности привыкший к грубой пище, живший в условиях всевозможных лишений и тягот, не знавший других заповедей, кроме приказов своего милитаристского властителя, народ, который воспринимает солдатскую жизнь как свое предназначение, а войну, как счастливый случай. Русских не пугают никакие нарушения в жизненном укладе или экономике, вызванные войной, напротив, только добыча и удовлетворение своей склонности к распутной, беспорядочной, полной авантюры

жизни являются их целью, тогда как цивилизованные народы приходят в смятение от страха перед войной, который парализует все силы. Так вся Россия — одна огромная военная колония, чьи вооруженные силы удваиваются каждые 50 лет...»³².

Помимо армии, другим инструментом захватнической политики являлась проникающая во все страны русская тайная дипломатия, которая с помощью своих агентов выведывала секреты противников, тем самым, парализуя их силы. Но, если кочевой характер народа стал доказательством угрозы, исходившей от армии, то тайная дипломатия русских агентов связывалась со склонностью всех русских к притворству, лжи и предательству. На этой основе немецкие авторы делали вывод о тесной взаимосвязи национального характера и политической активности России.

В качестве основного фактора, способствовавшего росту могущества Российской империи, выделялась внутренняя консолидация общества, вызванная рабской природой русского национального характера, крепостничеством и отсутствием среднего класса. Союз абсолютистского режима с крепостническим дворянством и имперской бюрократией при наличии мощного репрессивного аппарата также представлялся идеальным механизмом для мобилизации необходимых для непрерывных войн ресурсов в отсталой, неравномерно населенной стране. Европеизация российского общества объявлялась мнимой в отношении усвоения культурных ценностей Европы, но весьма эффективной в области модернизации армии и флота.

Таким образом, при создании образа Российской империи в качестве конституирующего «другого» в процессе формирования собственной национальной и политической идентичности большинство авторов выделяло три момента: во-первых, это — диаметрально противоположность русского общества по отношению к немецкому, выраженная полярными понятиями «азиатский — европейски». Во-вторых, неполноценность этого общества в сравнении с социальными нормами немецкого читателя, выраженная, прежде всего, в цивилизационной отсталости и отсутствии возможностей для прогресса в варварском обществе. В-третьих, враждебность русского государства по отношению к немецкому обществу, которая стала исходным моментом при описании непохожести и неполноценности русских.

³² *List*. 1927–1935. Bd. 3. S. 476.

В то же самое время консервативное восприятие России, часто ограниченное мистическими ожиданиями и религиозными исканиями, имело более абстрактный характер. Июльская революция 1830 г. во Франции, вдохнувшая новую жизненную силу в европейское либеральное движение, стала той угрозой существующему порядку, которая заставила немецкую консервативную мысль философски осмыслить свою историческую роль и создать необходимую для самоидентификации антиутопию, в которой миф о России занимал не последнее место. Создание либеральными авторами в начале 30-х гг. относительно целостного образа России вынудило консерваторов развивать собственную «контрсистему» взглядов относительно «северного соседа». Однако в полемику по поводу определения исторической роли России в Европе консерваторы вступили с большим опозданием, поэтому им пришлось «воевать на чужой территории». Сочинения разных литературных жанров, написанные в защиту Российской империи, в том числе и путевые дневники, начали активно издаваться только со второй половины 30-х гг. Главной их особенностью являлась тесная связь с критическими публикациями либеральных авторов. Значительная часть этих произведений была создана с одной целью — противопоставить правдивую, с точки зрения их авторов, информацию господствующим в обществе предрассудкам относительно России³³. Даже в тех случаях, когда публикации не являлись по форме прямым ответом на вызов политических оппонентов, активная позиция их авторов, направленная против антирусских нападок, всегда выражалась достаточно четко, и путевые заметки аристократов — не исключение. Например, известный русофил барон К. О. Л. Фон Арним чувствовал себя обязанным постоянно полемизировать с сочинением де Кюстина. А барон фон Гакстгаузен при каждом удобном случае критиковал не только Кюстина, но и Дэвида Уркварта и других английских авторов³⁴. Консервативные литераторы, которых по-прежнему можно условно причислить к направлению «Biedermeier», в своих сочинениях стремились доказать порочность

³³ Так, курляндский барон Эрнст фон Рехенберг-Линтен писал в предисловии к своей книге: «Только лишь желание противодействовать многочисленным предрассудкам и грубым ошибкам в отношении России, заставило меня решиться опубликовать это сочинение». *Rechenberg-Linden*. 1833. S. 3.

³⁴ *Arnim*. 1850. Bd. 1, S. 20, 26, 112, 132, 142, 145; *Haxthausen*. 1847. Bd. 1-2. S. 529, 534, 554; 1852. Bd. 3. S. 267.

попыток оппозиционно настроенных путешественников оценивать все увиденное ими в России через призму дихотомии «Свой — Чужой», «Европа — Азия», «цивилизация — варварство». Поэтому основными темами обсуждения стали сюжеты, на которых базировалось либеральное восприятие российского государства: место и роль России в европейской политике, ее историческая принадлежность к Европе, проблема «русской угрозы».

В основу создаваемого образа были положены основные составляющие консервативного мышления, такие как легитимность монархии, религиозность народа и прочные христианские традиции, соединявшие прошлое и будущее, единство и монолитность русского общества³⁵. С опорой на традицию немецких просветителей XVIII в., в литературе „Biedermeier“ утвердился патриархальный образ подданных Российской империи как «народов простодушных, не упившихся еще из чаши всех мерзостей, не отпавших еще от Бога, спасшего их»³⁶. Закрепляя в консервативной литературе стереотипы о неиспорченности, религиозности и патриархальности русского народа, романтики стремились доказать тезис о его божественном предназначении для спасения Европы, так как только «простодушные народы» могут стать орудием «Божьего промысла, поскольку им не ведомо ложное просвещение, погубившее народы развращенные»³⁷, и, прежде всего, конечно, французов. Именно идея о божественной миссии русского императора, православия и русского народа, призванного «примирить Восток и Запад», оказала наибольшее влияние на формирование консервативной русофилии.

Что же касается внешней угрозы, то после антинаполеоновских войн частью консервативного мировоззрения становятся две идеологии, тесно связанные с образом России. Это — вера в существование всемирного революционного заговора, управляемого парижским секретным комитетом, и производная от нее — убежденность в необходимости союза христианских монархий во главе с российским императором для борьбы с революциями и религиозного переустройства Европы на основе братства и любви. Как писал Леопольд фон Герлах, ставший одним из лидеров консервативного политиче-

³⁵ См., напр.: *Tagebuch eines preussischen Offiziers...*; *Die Preussen als Gäste...*; *Bismarck*. Op. cit.

³⁶ *Bühler*. 1929. S. 52.

³⁷ *Baader*. 1841. S. 91.

ского движения: «Три восточные монархии должны превратиться в единый народ под именем христианской нации... Больше не может существовать английской, французской, русской, прусской, австрийской политики, есть лишь общая политика, которая должна для блага всех разделяться и народами, и государями»³⁸.

Именно в идее создания единой христианской нации находится ключ к пониманию восприятия России немецкими консерваторами. Для них большое значение имело стремление к преодолению противоречий между христианскими конфессиями, идея создания единой церкви, стирание на этой почве конфликтов между народами и странами по религиозным вопросам. В силу присущего им космополитизма, на первое место для консерваторов вышла не национальная борьба за независимость, а политическая борьба партий за легитимизм и монархическую идею. То есть им в большей степени было свойственно видеть мир разделенным не на государства, а на большие партии. Отсюда проистекает стремление немецкой аристократии идентифицировать себя скорее с российскими монархическими кругами, чем с либеральным движением собственной страны. Вместо оппозиции «Россия — Европа» и идеи национального единства, необходимых для формирования национальной идентичности, на первое место в консервативной литературе выходит противостояние понятий «революция» и «Россия» как полярных сил в борьбе за политическое преобладание в Европе. Образ монархической России как мощной европейской империи играл важную роль в формировании не столько национальной, сколько социально-политической идентичности консервативных кругов Германии.

Выступая против теории об азиатском происхождении славян, главный упор в консервативной литературе делался на подтверждении этнической и религиозной принадлежности русских к Европе. С одной стороны — речь шла об этнической идентификации славян как третьей великой группы народов, которая, наряду с германской и латинской группами составляет «европейскую семью народов». С другой стороны — это религиозная идентификация на основе христианства, распространенного среди европейского населения России, когда православная империя объявлялась равноправным членом союза христианских государств. Согласно этой классификации, каж-

³⁸ Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs. Bd. 2. S. 724.

дой этнической группе европейских народов соответствовала определенная христианская конфессия: романским народам — католицизм, германским — протестантизм, славянским — греко-православная церковь. В отличие от преобладающего в либеральной среде мнения о чуждости России европейским традициям и культуре, в консервативной литературе российская империя представлялась как европейская провинция, которая пока еще несколько отстает от цивилизованного центра, но обладает огромным импульсом к быстрому развитию. В качестве примера приводились реформы Петра I, в результате которых Россия в течение нескольких десятилетий стала великой европейской державой.

Таким образом, русские признавались хоть и отсталыми, но полноправными членами «европейского союза христианских монархий». Позиционируя Россию как европейскую провинцию, значительная часть консервативно настроенных немцев воспринимала ее как часть собственного сообщества и не использовала в качестве конституирующего «другого» в оппозиции «мы и они».

Третий этап — 1840–1848 гг. — характеризуется дальнейшим распространением и радикализацией оппозиционного движения. Массовую волну национально-патриотического воодушевления вызвал так называемый Рейнский кризис 1840–1841 гг. Последовавшая на этом фоне смерть Вильгельма III в 1840 г. вновь оживила в обществе надежды на либеральные преобразования, которых ожидали от его преемника, Фридриха-Вильгельма VI. Выступления младогегельянцев, отвергавших «иллюзорный либерализм» «Молодой Германии», придали процессу политизации общества радикальный и системный характер. Именно младогегельянцы на рубеже 30–40-х гг. начали очередную дискуссию о будущем политическом устройстве Германии и Европы, а также о месте России в европейской истории, которая вылилась в целый ряд новых публикаций о российской империи. Поводом для дискуссии стала вышедшая анонимно в Лейпциге в 1839 г. книга К.-Э. Гольдмана «Европейская пентархия»³⁹, вызвавшая бурную реакцию в немецком обществе. Монография была написана с прорусских позиций, в духе Венского конгресса, и посвящена обоснованию преобладания пяти великих держав в европейских международных отношениях: Австрии, Пруссии,

³⁹ Die europäische Pentarchie...

Франции, Англии и России. Пентархия должна была гарантировать, что Европа останется многополюсной международной системой и не попадет под гегемонию одной империи. В основе рассуждений Гольмана лежала вполне банальная для того времени идея о возможности путем перманентных дипломатических консультаций обеспечить политическое равновесие между легитимными правительствами и тем самым сохранить мир в Европе. Скандальную известность это сочинение получило благодаря изложенной в нем геополитической схеме, согласно которой Европа разделялась на пять зон влияния под протекторатом независимого арбитра. Так, Пруссия должна была курировать «Север» Европы (за исключением России и Англии), Австрия — «Запад» (за исключением Франции), Россия — Центрально-европейский регион (за исключением Австрии и Пруссии), Англия — «Юг» Европы, а Франция — «Восток»⁴⁰. Согласно этой схеме роль верховного протектора немецких государств отводилась не Пруссии или Австрии, а Российской империи. Предполагалось, что именно таким образом удастся сохранить существующие политические устои в Германии и статус-кво — в Европе⁴¹.

Таким образом, немецкими консерваторами не только признавалась легитимность российской империи как великой европейской державы, но и ее право играть определяющую роль в германских делах, низводя Пруссию до уровня второстепенного государства в этом регионе. То есть, сохранение легитимности монархического строя, воплощением которого была Россия, для германской аристократии, в том числе и прусской, в тот период было гораздо важнее национальных интересов и патриотизма.

Неудивительно, что основная полемика по поводу места России в европейской истории разгорелась в либерально-демократическом лагере. В 1840 г. выходит книга младогегельянца Арнольда Руге «Современность и будущее Европы»⁴². В центре его исследования стояла проблема исторической миссии немцев как «нации европейского центра», так как, по мнению автора, «только немцы могут разрушить тиранию нашего времени в Петербурге, Вене и Берлине»⁴³.

⁴⁰ Ibid. S. 32-40ff.

⁴¹ Groh. 1961. S. 180.

⁴² Ruge. 1840.

⁴³ Ibid. S. 248.

Носителям революционного потенциала Европы — Франции, Англии и Германии — Руге традиционно противопоставлял Россию как абсолютистскую империю, стоящую на низшей ступени общественного развития, где отсутствуют «истинная, то есть реформированная религия, научная и духовная свобода»⁴⁴. Он пытался переформулировать саму идею европейского баланса сил, когда предполагалось, что одного активного участия христианской монархии в международных делах достаточно для ее автоматического включения в состав Европы: «Как может Россия идентифицировать себя с Европой, если у нее нет главной предпосылки для этого — европейской истории, когда ее позиция по отношению к европейским проблемам носит лишь формальный характер?»⁴⁵. Несмотря на то, что российская империя активно вмешивалась в европейскую политику и дела немецких государств, была признана либералами и демократами главным препятствием в Европе на пути революционных преобразований, долгое время являлась предметом общественных дискуссий, Руге в своем исследовании вывел ее за рамки европейской истории.

Среди последующих публикаций на эту тему выделялась анонимно изданная в 1841 г. книга другого младогегельянца Мозеса Гесса «Европейская триархия»⁴⁶, ставшая прямым ответом на сочинение Гольдмана. Европейская триархия — это блок прогрессивных государств: Германии, Франции и Англии, направленный против двух реакционных континентальных империй — австрийской и российской. Используя тезис о «русской угрозе», Гесс призывал к консолидации западных держав для вытеснения русских, «этих жаждущих завоеваний китайцев Запада»⁴⁷, из европейской политики. Выступая в разгар Рейнского кризиса против нападков на Францию, извечного конкурента немцев, Гесс писал, что в данный момент неуместно искать «заклятого врага в Европе, когда романо-германскому элементу угрожает славянский, когда приближается противник не только германского народа, но и всего европейского Запада»⁴⁸. Таким образом, благодаря использованию антитезы «реакционная Россия — прогрес-

⁴⁴ Ibid. S. 250.

⁴⁵ Ibid. S. 251.

⁴⁶ Hess. 1841.

⁴⁷ Idem. 1977. S. 129.

⁴⁸ Ibidem.

сивная Европа» Гесс обосновывал необходимость революционных преобразований в раздробленной полуфеодальной Германии, а также концептуализировал образ Германии как части Европы, призванной сыграть ведущую роль в европейской политике.

Дискуссия, начатая младогегельянцами в начале 40-х гг., спровоцировала новый рост общественного интереса к России. За неполные 9 лет в Германии было опубликовано 399 сочинений, хранящихся в коллекции «Россика». При этом негативное отношение к российской империи преобладало с большим перевесом над позитивным⁴⁹. Как правило, царская империя была представлена в оппозиционной прессе в трех ипостасях: как «оплот европейской реакции», поддерживающий местные консервативные силы и полуфеодальное устройство, как главный враг немецкого национального единства и в качестве агрессивного захватчика чужих территорий, угрожающего не только Германии, но и всей европейской цивилизации. Подробно описывая недостатки русского общества как «азиатско-деспотического», как противоположной, неполноценной и враждебной силы, публицисты распространяли эту критику на свои собственные, связанные с Россией, правящие круги, обвиняя их в тех же пороках, иногда, вплоть до полной идентификации высших слоев русского и германского обществ. Так, анонимный автор писал накануне революционных событий 1848 г. в адрес прорусски настроенных аристократов:

«Эта немецкая армия реакции — русские среди нас. Это немецко-русская армия, вербующая наших соотечественников с помощью русских денег, русской дипломатии и особенно русской неспособности к свободе. Она ... внедряет полицейских шпионов и доносчиков в патриотические союзы, она заставляет прусских офицеров на границе “пить на брудершафт” с русскими офицерами, она выжигает клеймо на теле Польши и скоро начнет обстреливать Берлин. К этой, распространенной во всех уголках Германии немецко-русской армии хочет примкнуть и собственно русская армия, объединиться с ней для уничтожения немецкой свободы и под предлогом восстановления в Германии мира и покоя, превратить ее в русскую провинцию⁵⁰».

В понятии «Россия» для немецких демократов и части либералов воплотились феодально-абсолютистские структуры, и немецкий читатель без труда находил обратную связь с политической ситуаци-

⁴⁹ См.: *Kohl*. 1841; *Reisen in Inneren...*; *Reisen in Südrussland...*; *Blasius*. 1844.

⁵⁰ *Das Enthüllte Russland...* S. 14.

ей в Германии. Россия оказалась относительно безопасным инструментом в руках представителей либеральных и демократических кругов, с помощью которого они пытались в обход цензуры критиковать своих внутренних врагов и устаревшие устои немецкого общества.

Накануне и во время революции 1848 г. Россия становится предметом открытых дебатов в немецкой прессе. Отношение к ней стало своеобразным индикатором политических пристрастий, точкой отсчета для оценки, прежде всего, внутригерманских событий. Россия была необходима как либералам, так и консерваторам для решения основных вопросов конституционного и общественного устройства Германии.

Идеи свободы, равенства и демократии занимали ключевое место в политической полемике того периода. Так, анонимный автор многократно переиздававшегося антирусского сочинения «Тайны России», отстаивая необходимость соблюдения гражданских прав и свобод, писал о российской правовой системе следующее:

«Русское гражданское право несет в себе глубокую печать полуфеодального и потому — варварского общества, для которого, собственно, и было создано. Дворянские привилегии демонстрируются каждое мгновение, и феодальная система оставила свой отпечаток на всех проявлениях общественной жизни»⁵¹.

Доказывая преимущества либеральных ценностей, автор сравнивает положение самых угнетенных слоев населения Европы и России. Крепостным крестьянам он противопоставляет западноевропейский пролетариат, ставящий личную свободу и равноправие намного выше предполагаемой материальной защищенности членов русской крестьянской общины:

«Скорее умереть, чем отдать свою независимость! Свою тяжелую судьбу, полную забот и лишений, рабочие никогда не променяют на сытое, но позорное и бесчестное рабство! Русские, которые никогда не знали наслаждения свободой, должны спросить об этом наш пролетариат»⁵².

В этом критическом суждении о социальном устройстве патриархальной российской деревни одновременно содержится оправдание «язв» капиталистического общества. При этом в отличие от оп-

⁵¹ Geheimnisse von Russland... Bd. 2. S. 61.

⁵² Ibid. S. 61.

тимистических прогнозов XVIII века, либералы не пытались отрицать бедственного материального положения пролетариата, и тем сильнее подчеркивалась ценность демократических свобод и равноправия, если для их сохранения голодные рабочие никогда не поменялись бы участью с «сытыми рабами».

Либеральному восприятию в немецкой политической полемике противостоял аристократический образ России. Неравенство между сословиями консерваторы считали главным элементом «богоугодного порядка». Сохранение этого строя являлось, по их мнению, гарантией «приличествующих званию свобод». Последователи одного из основоположников консерватизма Адама Мюллера не допускали интерпретации свободы в значении общего равенства, или, как потом писали, «эгалитарных презренных прав» политического самоопределения индивида⁵³. Беречь сословный строй как естественно-исторически сформировавшуюся общественную иерархию — «священный долг монархии божьей милостью»⁵⁴. Поэтому в то время как анонимный автор «Тайн России», считал дворянские привилегии признаком варварского общества, автор «Европейской пентархии» К.-Э. Гольдман выражал надежду, что Россия никогда не введет у себя систему либерального равноправия:

«Русское правительство всегда использовало все возможности, чтобы абсолютно не подходящая для России система буржуазного равенства, даже в виде малейшего намека, никогда не появилась на ее территории. Поэтому оно всеми законными способами содействовало укреплению положения суверенов России, дворянства и дворянских собраний, а также сохранению их прав»⁵⁵.

Таким образом, отрицалась ценность либеральных свобод, которые в действительности, по мнению консервативных авторов, способствовали лишь распространению анархии в обществе.

Демократические литераторы “Vormärz”, для которых национализм был революционным принципом, означавшим полный разрыв с монархическим прошлым, создавали образ России как главного врага не только национального объединения, но и демократических преобразований. Они отождествляли политику российских и гер-

⁵³ *Neumann*. 1930. S. 70.

⁵⁴ *Müller*. 1989. S. 198.

⁵⁵ *Die europäische Pentarchie...* S. 352.

манских правящих кругов, призывая, как Фердинанд Фрайлиграт, к революционной войне с царской империей. Обращаясь мысленно к событиям кануна революции, демократический публицист Роберт Прутц писал в 1850 г.:

«Сейчас (имелся в виду 1840 г.) неприятие России перерастает в открытую ненависть, а ненависть — в смертельную вражду. Но народы должны уметь не только любить, но и ненавидеть. Антагонизм необходим для воспитания нации. В этом противостоянии она приобретает сознание своей самостоятельности, а вместе с ним — силу и волю... И потому мы, когда видим, как вдруг в 40-е годы появилось ранее неизвестное нам чувство единства и самостоятельности немецкой нации, должны взять на вооружение эту ненависть к России»⁵⁶.

Русофобия, тесно связанная с национальной идеей и проблемой общегерманской идентификации, окончательно стала частью либерального сознания в Германии.

Консервативные авторы рассматривали русофобию как элемент противостояния политических мифологем — «патриархально-монархическая Россия» и «революционно-демократическая Франция». Государственная система Франции при Луи-Филиппе считалась оппозицией идеалом в области гражданских свобод. Неудивительно, что после этого главным врагом немецкие консерваторы объявили Францию, выдвинув против либеральной русофобии аристократическую франкофобию. Они критиковали демократов за попытку перенести в Германию чуждую немцам, специфически французскую конституционную форму правления, противопоставляя ей политическое устройство России, которое, по мнению многих консерваторов, во многом соответствовало патриархальному духу средневековой Европы до начала Реформации и религиозных войн. Так, А. фон Гакстгаузен считал, что «Россия по своему характеру и сути организована более гармонично и совершенно, чем Франция с ее идеалами, и это не может опровергнуть даже самый большой враг России, если у него есть собственный разум»⁵⁷. Большинство авторов полагало, что Россия, в отличие от Франции, является страной «естественной» демократии, которая заложена в самой основе народной жизни, в частности, в общинном землепользовании. Во главу угла ставились

⁵⁶ Prutz. 1850. S. 88.

⁵⁷ Haxthausen. Op. cit. Bd. 3. S. 370.

стабильность и предполагаемые гарантии материальной защищенности, которые дает крестьянину общинное землепользование, а также невосприимчивость русских крепостных к революционным идеям. Для консерваторов в этой дискуссии образ царской империи служил моделью общества, которую можно было противопоставить либерально-демократическим требованиям создания в Германии социально-политических условий для установления равноправия, экономических свобод и конституционных форм правления, что полностью уничтожило бы основы господства аристократии.

В противоположность революционной агитации литературы “*Vormärz*” консервативные авторы не придавали большого значения проблеме единства нации и выступали с космополитических позиций за приоритет монархического принципа. Истинным воплощением легитимности монархии и прочных религиозных традиций им представлялась патриархальная и монолитная царская империя. Накануне революционных событий 1848 г. консервативная русофилия наряду с принципом легитимности стала играть роль интеграционной идеологии для немецкой аристократии. Отношение к России, как к некоему политическому символу, наряду с восприятием Франции в качестве ее геополитического антипода в Европе, превратилось в определенный водораздел между либеральным и консервативным стилями мышления, что нашло отражение в эволюции образа российского общества в путевых дневниках немецких авторов периода Реставрации.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети 18 – первой трети 19 века. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 414 с.
- Пытин А. Н.* Религиозные движения при Александре I. Пг.: Огни, 1916. 487 с.
- Троицкий И. М.* III Отделение при Николае I: жизнь Шервуда Верного. Л.: Лениздат, 1990. 318 с.
- Юнг-Штиллинг.* Победная песнь христианина. СПб., 1815.
- (*Anon.*) *Das Enthüllte Russland oder Kaiser Nikolaus und sein Reich.* Grimma, 1847.
- (*Anon.*) *Die europäische Pentarchie.* Leipzig, 1839.
- (*Anon.*) *Die Preussen als Gäste in St. Petersburg im Jahre 1834.* Liegnitz, 1835.
- (*Anon.*) *Geheimnisse von Russland. Ein politisches Sittengemälde des russischen Reichs.* Bd. 1. Regensburg, 1844.
- (*Anon.*) *Russische Zustände im Jahre 1840.* Hamburg, 1841.
- (*Anon.*) *Russland und Gegenwart.* Bd. 1. Leipzig, 1841.

- (Anon.) Tagebuch eines preussischen Offiziers während seiner Reise nach Petersburg und seines Aufenthalts dasebst bei Einweihung der Alexandersaule. Berlin, 1836.
- Arnim K. v. Reise ins russische Reich im Sommer 1846. Bd. 1-2. Berlin, 1850.
- Baader F. von. Der Morgenländische und Abendländische Katholizismus. Leipzig, 1841.
- Behr A. Meine Reise... nach Odessa, der Krimm und zurück über Moskau, Petersburg ... im Sommer 1832. Bde. 1-2. Leipzig, 1834.
- Benz E. Franz von Baader und Kotzebue: Das Russlandbild der Restaurationszeit // Akademie der Wissenschaften und Literatur: Abhandlungen der Geistes und sozialwissenschaftlichen Klasse. 1957. N. 2. Mainz, Wiesbaden: Franz Steiner Verlag. 1957. S. 3-41.
- Bismark F.W. Die kaiserlich russische Kiregsmacht im Jahre 1835 oder meine Reise nach St. Petersburg. Karksruhe, 1836.
- Blasius I. H. Reise in europäischen Russland in den Jahren 1840 und 1841. 2 Bde. Braunschweig, 1844.
- Bomsdorff R. v. Mitteilungen aus dem russischen Feldzuge an einen Offizier des Generalstabes. Leipzig, 1818.
- Budberg L. Reisen eines Russen durch Weiss-, Klein- und Neurusland ... den Kaukasus und Georgien, unternommen im Jahre 1827. Zerbst, 1832.
- Bühler F. Die geistigen Wurzeln der heiligen Allianz. Diss. Freiburg im Brisgau, 1929. 80 s.
- Custine A. Russland im Jahre 1839. Bde. 1-4. Leipzig, 1847.
- Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs / Hrsg. von seiner Tochter Agnes von Gerlach. Bd. 1-2. Berlin, 1891-92.
- Dittenberger Fr. Der Kaiser Alexander in Heigelberg. Heidelberg, 1815.
- Eich U. Russland und Europa: Studien zur russischen Deutschlandpolitik in der Zeit des Wiener Kongresses. Köln-Wien: Böhlau, 1986. 466 s.
- Europa und Russland. Texte zum Problem des westeuropaischen und russischen Selbstverständnisses / Hrsg. von Tschizewskij D., Groh D. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1977. 560 s.
- Groh D. Russland im Blick Europas: 300 Jahre historische Perspektiven. Frankfurt am Main: Suhrkampff Verlag, 1988. 440 s.
- Haxthausen A. v. Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Bde. 1-2. Hannover, 1847; Bd. 3. Berlin, 1852.
- Hess M. Die europaische Triarchie. Leipzig, 1841.
- Jerrmann E. Unpolitische Bilder aus St. Petersburg. Berlin, 1845.
- Kohl I. G. Petersburg in Bildern und Skizzen. 3 Bde. Berlin, 1841; Reisen in Inneren von Russland und Polen. 3. Bde. Leipzig, 1841.
- Kolbe E. Russlands inneres Leben. Drei und dreissigjährige Erfahrungen eines Deutschen in Russland. Bd. 1. Leipzig, 1847.
- Ley F. Alexandre I et sa Sainte-Alliance. (1811-1825). Paris: Librairie Fischbacher, 1975. 581 p.

- Ley F.* Madame de Krüdener. 1764–1824. Romantisme et Sainte-Alliance. Paris: Champion, 1994. 467 p.
- List F.* Denkschrift an die osterreichische Regierung “Über die nationalökonomische Reform des Königreichs Ungarn” 1845 //Schriften, Reden, Briefe (Hrsg. von E. Beckerath). 10 Bd. Berlin, 1927–1935.
- Literarisches Wochenblatt von August von Kotzebue, 6 Bde., Weimar, 1819.
- Meissner Ed.* Bemerkungen aus dem Taschenbuche eines Arztes während einer Reise von Odessa durch einen Theil von Deutschland ... Halle, 1820.
- Müller A.* Die Elemente der Staatskunst // Elm L., Buhr M. Konservatives Denken. 1789–1848/49. Darstellungen und Texte. Berlin: Akademie-Verlag, 1989. 318 s.
- Müller Chr.* Wanderung von St. Petersburg nach Paris im Jahre 1812 durch die deutsch-russischen Provinzen. Leipzig, 1815.
- Müller W.* Russland und seine Völker. Grossrussische Lebensbilder aus Gegenwart und Vergangenheit. Berlin, 1844.
- Neumann S.* Die Stufen des preussischen Konservatismus. Ein Beitrag zum Staats- und Gesellschaftsbild Deutschlands im 19. Jahrhundert. Berlin: Historische Studien, 1930. 190 s.
- Possart P.* Wegweiser für Fremde in St. Petersburg oder ausführliches Gemälde dieser Hauptstadt und ihrer Umgebung. Heidelberg, 1842.
- Prutz R.* Zehn Jahre. Geschichte der neuesten Zeit 1840–1850. Bd. 1. Leipzig, 1850.
- Rechenberg-Linden E. von.* Westeuropa und Russland in Beziehung auf die Verschiedenheit ihrer Verhältnisse und die gegenwärtigen Zeitereignisse. Leipzig, 1833.
- Reichard C.* Der Passagier auf der Reise in Deutschland zu Paris und St. Petersburg. Reutlingen, 1816.
- Robert E.* Briefe aus dem hohen Norden und dem Innern von Russland, geschrieben auf einer Reise in den Jahren 1838 und 1839. Hamburg, 1840.
- Ruge A.* Gegenwart und Zukunft Europas. Leipzig, 1840.
- Schlegel Chr.* Reise aus Polen nach St. Petersburg. Erfurt, Gotha, 1818.
- Schlippenbach U. v.* Erinnerungen von einer Reise nach St. Petersburg im Jahre 1814. Hamburg, 1818.
- Schneider L.* Preussens und Russlands Genius. Berlin, 1830.
- Tietz F.* Erinnerungsskizzen aus Russland, der Türkei und Griechenland. Entworfen während des Aufenthalts in jenen Ländern in den Jahren 1833 und 1834. Bd. 1-2. Leipzig, 1836.

Заиченко Ольга Викторовна, к.и.н., научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; o.v.zaichenko@gmail.com.